

ПАМЯТИ КОЛЛЕГИ

ПАМЯТИ ДРУГА. МИХАИЛ АБРАМОВ: “ПРИМИТЕ МЕНЯ ТАКИМ, КАКОВ Я ЕСТЬ”

И.И. Мюрберг

Михаил Александрович Абрамов ушел от нас в начале 2006 г. на 73-м году жизни.

Пожалуй, это был любимец судьбы. Своим 37-летним присутствием среди нас он сумел добавить новых красок в палитру принявшего его философского сообщества. О таких людях можно сказать, что благодаря им наше сообщество оставляет по себе память не только собранием научных трудов, но и разноцветьем личностей.

В Институт философии он пришел уже “не мальчиком, но мужем”. Надо сказать, ни зрелый возраст, ни непрестанная забота о своем любимом семействе не сделали из него искателя титулов и денег. Для него (как впрочем и для большинства сотрудников Института) философия была любовью всей жизни, “девушкой его мечты” – он желал быть угоден ей, но не был готов угождать. Его взаимоотношения с философией были и романтическими, и, одновременно, по-мужски прямыми. Часть теоретических изысканий, казалось бы не подлежащих сомнению, с порога отвергалась им как “бредовая”; принимаемая же часть служила “домом души” – домом, не подверженным житейским неурядицам, недугам и старению. Он любил вспоминать, что в годы студенчества считал себя сторонником теории “разумного эгоизма” до тех пор, пока случайно не подслушал, как кто-то из сокурсников, домогавшийся девицы в одном из институтских закоулков, не сказал ей: “Ведь мы же с тобой разумные эгоисты...” Вообще, он весь был соткан из бесчисленных историй, запас которых никогда не оскудевал. Они служили ему и визитной карточкой, и обращенным к слушателю своеобразным категорическим императивом: “Я, вот, таков: прими меня со всеми моими пороками и слабостями, или же отвергни, и мы оба будем знать об этом”. Отвергнуть его было трудно. Истории запечатлевались в памяти и приковывали к нему людей узами любви и доверия, ибо как никто другой, он был верен духу своих рассказов.

Этой неповторимой, лиричной, почти исповедальной повествовательностью проникнуты не только всем нам памятные “эпизоды из жизни”, но также и большая часть собственно философского, профессионального наследия Михаила Александровича. Любовью к повествованию продиктован весь стиль его обращения с историко-философскими реалиями и персонажами. Неизменный оптимизм, мягкий юмор, терпимость, отзывчивость, контактность – все эти качества непостижимым образом сочетались в нем с удивительной способностью, без преувеличения, “видеть людей насквозь”. Обычно это свойство ассоциируется у нас с образом этакого человека-рентгена, от которого лучше держаться подальше. Между тем, Михаил Александрович смотрел на жизнь не сквозь холодный окуляр механического совершенства, его внимательный взгляд был явно “от мира сего”; он не отдалял, а приближал к нам не только происходящее, но и “дела давно минувших дней”. Понять означало для него сделать представимым, по-человечески оправданным. И если по отношению к любимым им древним грекам он всё же хранил дистанцию, считая их законным местом скорее миф, нежели повседневность*, то уже в Шотландии XVIII–XIX вв. ощущал себя как дома. Вообще, говоря о философах прошлого, он – подобно Воланду, сживавшему за завтраком у Канта – казалось, не просто пересказывал прочитанное, а вспоминал нечто, что довелось пережить самому...

Подобная “фамильярность” в обращении с философским наследием вовсе не обязательно должна нравиться. Работы Михаила Александровича оставляют место для критических замечаний, например, того сорта, что отсутствие известной дистанции, несоблюдение принципа разумной отстраненности от объекта изучения временами не позволяет автору распознать тенденции и скрытые возможности исследуемого направления мысли. Всё это так. Но если верно наблюдение, что “наши недостатки есть продолжение наших достоинств”, то применительно к творчеству М.А. Абрамова верно и противоположное – кажущаяся чрезмерной самобытность порой подталкивает автора к прозрениям, недоступным тем, кто идет более “правильным” путем. Так, в одной из своих последних работ, посвященных Адаму Смиту как *политическому* мыслителю, Михаил Александрович делает ряд наблюдений, ставящих этого якобы записного политэконома в один ряд с наиболее “продвинутыми” представителями британ-

* Греческая мифология была для него подобием музыки: тем и другим он никогда не уставал упиваться и воодушевляться: “Без музыки ко сну не отхожу!”

ской политико-философской традиции". Подобных "находок" в его работах немало. Публикуемая здесь статья Абрамова, которую он предложил редколлегии "Историко-философского ежегодника" незадолго до своей кончины, стала одной из последних его работ.

ТРИ ОТВЕТА ЮМУ

М.А. Абрамов

1. ВЕК ЗДРАВОВОМЫСЛИЯ НА ОСТРОВЕ ВЕЛИКОБРИТАНИЯ

Принятие декларации прав Вильгельма Оранского 1689 г. и последующая отмена в 90-е годы политической и церковной цензуры выпустили джина из бутылки. Поток памфлетов, листовок, ежегодников, ежеквартальников, ежедвухнедельников, еженедельников, ежемесячных журналов и ежедневных газет и другой печатной продукции залил страну и породил массового читателя. Запретных тем практически не стало, ожили радикальные мыслители и называвшие себя свободомыслящими или, по-русски, вольнодумцами. Именно в этот период – в 90-е годы XVII столетия опубликовал основные свои произведения Д. Локк.

Указанные процессы заметно повлияли и на экономическую активность масс, что привело к существенному улучшению условий жизни в старой доброй Англии, ставшему особенно заметным в начале XVIII столетия, в годы правления королевы Анны Стюарт (1702–1714). Яркие свидетельства тому можно найти у такого зоркого наблюдателя жизни и поборника прогресса как Даниель Дефо¹.

Тогда же произошло и другое значительнейшее событие в жизни Великобритании. В 1707 г. Шотландия приняла судьбоносное решение – заключила парламентскую Унию со своим южным соседом Англией и сразу же включилась в активный процесс широких политических и экономических реформ. В стране быстро формируется единое коммерческое общество, а по темпам

* См.: Абрамов М.А. Два Адама. Классики политической мысли. – Готовится к изданию в Институте философии РАН.

¹ См.: Daniel Defoe. A tour through the whole island of Great Britain Penguin books. 1971.